

Мантова Юлия Борисовна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ВИЗАНТИЙСКИХ ЖИТИЯХ СВ. НИКОНА МЕТАНОИТЕ И СВ. ГРИГЕНТИЯ

Статья посвящена особенностям изображения окружающего пространства в двух византийских житийных текстах: жизнеописании св. Григения (X век) и св. Никона Метаноите (XI век). Исследование позволяет прийти к выводу, что авторы рассматриваемых текстов по-разному описывают пространство. Это противоречит нашему обычному представлению и о средневековой литературе, и о шаблонности мировосприятия людей Средневековья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Антропова Н. А.** Словообразование в сфере немецкой разговорной речи (на материале имени существительного). М.: Прометей, 2005. 352 с.
2. **Коломиец Е. А.** Словообразовательные тенденции в современном немецком языке молодежи: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 210 с.
3. **Шавкун Н. С.** К вопросу соотношения словообразования и синтаксиса // Вопросы германской филологии. Пятигорск: ПГЛУ, 1999. Вып. 1. С. 262-281.
4. **Behaghel O.** Die deutsche Sprache. Halle (Saale): VED Max Niemeyer Verlag, 1958. 313 S.
5. **Küpper H.** Dtv-Wörterbuch der deutschen Alltagssprache. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1971. Bd. 1-2.
6. **Küpper H.** Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg: Claassen Verlag, 1965. Bd. III.

WORD-FORMATIVE VARIANTS OF WORDS AS RESULT OF INITIAL LEXEMES PHONETIC AND MORPHOLOGICAL DESTRUCTION (BY MATERIAL OF GERMAN EVERYDAY SPEECH)

Malinin Boris Alekseevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pyatigorsk State Linguistic University
boris-malinin@yandex.ru

The article is devoted to the little-studied in Germanic studies question of the formation of duplicate variants of words by changing the morphological structure or the sound image of existing lexical units for obtaining semantic and stylistic parallels with extended semantic connotation. The correlation of word formation with the tendency to linguistic economy on a phonetic and morphological level, conditioned by linguistic and extra-linguistic factors, is revealed as a result of the analysis.

Key words and phrases: variants of words; words-doublets; metathesis; colloquial; interchanging.

УДК 8; 821.14

Филологические науки

Статья посвящена особенностям изображения окружающего пространства в двух византийских житийных текстах: жизнеописании св. Григентия (X век) и св. Никона Метаноите (XI век). Исследование позволяет прийти к выводу, что авторы рассматриваемых текстов по-разному описывают пространство. Это противоречит нашему обычному представлению и о средневековой литературе, и о шаблонности мировосприятия людей Средневековья.

Ключевые слова и фразы: византийская литература; агиография; жития святых; средневековая литература; описание пространства; жанр путешествия.

Мантова Юлия Борисовна

Московский государственный гуманитарный университет
july8@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ВИЗАНТИЙСКИХ ЖИТИЯХ
СВ. НИКОНА МЕТАНОИТЕ И СВ. ГРИГЕНТИЯ©**

Византийская житийная литература, или агиография представляет собой уникальное явление в мировой культуре и предлагает невероятно интересный материал для изучения. Это не жанр, а, скорее, тип литературы, сформировавшийся в соединении иудео-христианской и классической античной традиций. Эта литература чрезвычайно неоднородна внутри себя. Она реализуется в нескольких агиографических жанрах, но помимо этого и в рамках каждого из них могут сосуществовать весьма разнородные памятники.

В последнее время наблюдается значительный рост научного внимания к агиографии. Пожалуй, основное достижение современных исследований состоит в том, что сломлено восприятие ее как строго канонической и застывшей в своей однообразности словесности. Вопреки стереотипам, житийные тексты как никакие другие в средневековый период демонстрируют изменчивость, текучесть формы, динамичность в преодолении границ стилей, языков, культур, государств [2]. Неудивительно, что их стали широко использовать в качестве источников по ментальной истории, истории культуры, социологии и т.д.

В настоящей статье представлено сравнительное исследование жизнеописаний св. Никона Метаноите и св. Григентия, проведенное с целью выявить основные принципы изображения окружающего пространства. Представляется необычайно интересным проследить, как именно агиографы описывают путешествия своих святых, какие элементы окружающего мира для них значимы, какие нет, о каких пишут подробно,

о каких вскользь¹. Представляют ли они пространство, в котором живут их герои, как континуальное или как набор дискретных статичных картин? И самое главное, вопреки устоявшемуся мнению о житиях как о наборе риторических топосов, настоящая работа направлена на поиски индивидуального.

Данные жития выбраны не случайно. В ходе более широкого исследования по пространству в византийской агиографии было проанализировано значительное количество текстов, но именно эти привлекли наибольшее внимание. В первую очередь потому, что в них представлен обширный материал для изучения. Главные герои значительную часть жизни проводят в скитаниях, преодолевая огромные расстояния и в границах империи, и за ее пределами. Кроме того, рассматриваемые тексты достаточно близки не только по тематике, но и по времени создания, и по стилю. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о том, различается ли представленное в них пространство, и если да, то в чем именно. Житие св. Григения вероятно всего датируется X в., а житие св. Никона – XI в. Св. Григений проделывает без преувеличения гигантский путь. Из родного города Липлянес (предположительно, современная Любляна (Словения)), святой идет через Северную Италию, Рим, Сицилию, Александрию, Эфиопию и в итоге оказывается на Аравийском полуострове [3]. Маршрут Никона не такой экзотический, но тоже продолжительный [6]. Путешествуя из Фемы Армениак вдоль берега Понта, он, видимо, попадает на побережье Эгейского моря, отправляется на Крит, после чего непрестанно передвигается по территории Пелопоннеса.

Здесь важно отметить, что существование исторической подоплеки этих путешествий для нашей задачи не является определяющим фактором. Св. Никон – реально существовавший персонаж, зафиксированный и в других источниках, житие же св. Григения носит совершенно легендарный характер. Тем не менее, представляется возможным их сравнивать, поскольку тексты рассматриваются как литературные произведения, где авторы с большей или меньшей степенью сознательности воссоздают мир вокруг героев исходя из собственных представлений.

Среди множества подходов к проблеме пространства наиболее конструктивной нам показалась концепция, предложенная Эдвардом Соем в его книге «Postmodern Geographies» [7]. Суть ее заключается в том, что образ пространства надо искать где-то в плоскости пересечений трех пространств – социального, физического и ментального.

В качестве социального пространства мы рассматриваем пространство, где сконцентрировано человеческое общение (город, улица, храм, монастырь, дорога), в качестве физического – природа в своем первозданном виде (реки, горы, лес, погода). Здесь необходимо пояснить, что, конечно же, формально города и храмы тоже являются частью физического пространства, тем не менее, выделение их в отдельную категорию дает нам возможность оценить, насколько велико внимание автора к рукотворным объектам. В то же время основным аспектом для рассмотрения в социальном пространстве являются все-таки непосредственно человеческие коммуникации. Наконец, ментальное пространство – какое-то воображаемое, рожденное сознанием пространство, в которое включается и очень важное пространство видений, снов, чудес, связанных с природными стихиями и преодолением расстояний.

В житии св. Никона можно говорить о равной степени интереса и степени описательности для социального и физического пространства. Мы видим именно описания в том смысле, как мы это понимаем сейчас, т.е. автор часто использует качественные прилагательные. Это рассказ о храме Спасителя, основанном Никоном в Спарте, причем и о его строительстве, и о проведенной через какое-то время после смерти Никона реставрации. Автор пишет, что храм восхищал своей красотой, блеском колонн, сиянием отполированного камня, резьбой, росписями, искусностью работы, разнообразием материалов и по изяществу соперничал с работами Фидия, Полигнота и Зевксиса [8, р. 130]. При проведении ремонта были обновлены росписи, произведены очистка и покраска стен, полировка колонн. Также произвели какую-то реконструкцию площади перед храмом – устроили ступени перед входом и окружили колоннадой [Ibidem, р. 188-190].

Говоря о социальном пространстве, необходимо упомянуть, что автор фиксирует и своего рода этнографические сведения. Описывая пребывание святого на Крите, агиограф представляет очень живые заметки о поведении людей, подробно описывает исторические обстоятельства [Ibidem, р. 82-84]. Остров только-только был отбит византийцами от арабов, и поскольку местные жители долго находились под их влиянием, то успели привыкнуть к сарацинским обычаям. Из-за этого реакция на обычные для Никона громогласные призывы к покаянию была далека от ожидаемой. Сначала островитяне просто испугались от неожиданности, а потом пришли в ярость, схватили святого и хотели его убить.

Очень важной особенностью при описании социального пространства является максимальная детализация: приводится огромное количество названий не только городов, но и всяких деревень Пелопоннеса. Причем один населенный пункт может иметь несколько названий (современное, древнее, локальное самоназвание), про каждого персонажа рассказывается, из какой именно деревни он родом. Кроме того автор дает и сведения о расположении этих пунктов относительно более крупных городов.

Что касается природы, то тут тоже достаточно ярких примеров. Например, вот как автор описывает реку Парфениос: «Блаженный <...> достиг реки Парфениос и обнаружил, что уровень воды в ней был очень высок, <...> он поддерживался водами, произошедшими от таяния снегов, а также благодаря многочисленным ручьям,

¹ С данной темой тесно связаны несколько статей и монографий, но в них рассматривается только историко-социальный аспект путешествий: маршруты, личности и цели путешественников, способы передвижения и т.д.: Malamut E. Sur la route des Saints Byzantins. Paris, 1993; T. Pratsch T. Der hagiographische Topos. Berlin, 2005; Travel in the Byzantine World // Papers from the Thirty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April, 2000 / ed. by R. Macrides. Newcastle-upon-Tyne, 2002; S. Euthymiades. Νοετοί και πλαγμαστικοί ηρώιδωτες ζηνο Βυζάντιο προς 8^{ος}, 9^{ος} και 10^{ος} αιώνα // Byzantina. 1999. № 20. Σ. 155-165 [5; 6; 9; 3].

впадавшим в реку» [Ibidem, p. 66]. В принципе эти подробности совсем не необходимы для сюжета. Это своеобразный естественнонаучный экскурс. Такой же экскурс появляется в рассказе о прибытии на Эвбею. Автор не преминул показать нам свою осведомленность о сменах направления течения в проливе Эврип [Ibidem, p. 96].

В главе 57 автор рассказывает о некоей разбойничьей деревне, жители которой терроризировали грабеджами и разбоем путешественников по Пелопоннесу. Стараниями Никона на них обрушилась страшная кара, и автор чрезвычайно ярко живописует картину бедствия:

«Разверзлась земля... и всю эту разбойничью шайку вместе с холмом, с пашнями, домами и всем скарбом целиком поглотила. <...> После этого туда ниспроверглись потоки воды, которая, в свою очередь, стала изрыгаться из земли и покрыла собой этот разлом. Вся территория превратилась в болото. Поверхность земли покрылась слоем воды и грязи, что можно наблюдать и по сей день. И только кровля Божьего храма, давным-давно поставленного в деревне во имя архистратига Михаила, виднеется над водой» [Ibidem, p. 182].

Переходя к ментальному пространству, видениям и снам, надо сказать, что в тексте почти нет видений, которые выделялись бы особой живописностью. Тем не менее, надо сказать, что сам Никон после смерти стал частью ментального пространства для населения Пелопоннеса: моряки часто видели его на судах, то в образе рулевого, то простого матроса.

Обращаясь к житию св. Григения, необходимо сразу сделать важное замечание: текст сам по себе крайне неоднороден. Явственно проступает использование совершенно разных по характеру источников. Особенно выделяется глава 9, где повествуется о событиях в Аравии. И эти различия, как выясняется, отражаются и на описаниях, которые мы анализируем.

От начала путешествия святого и до прибытия в Рим собственно описательных фрагментов для социального и физического пространства фиксируется меньше, чем позднее будет в Риме. Представление о том, что окружало героя, можно реконструировать из информации о его перемещениях. Автор фиксирует точки маршрута, дает ориентиры этих точек по сторонам света. Вот что, например, он пишет о Карфагене: «Прибыв к Карфагену, святой и его спутник зашли внутрь города и остановились у городских ворот. <...> На следующий день, отправившись в святую церковь помолиться, они оказались в одном городском переулке, где росло дерево юуба» [4, p. 276]. Это в принципе все, что мы узнаем о Карфагене. Нет вообще никаких сведений о том, как выглядел город, кроме дерева. И это очень характерно для нашего автора. Он может не написать ничего вообще про тот или иной пункт, но включает какую-нибудь ботаническую подробность. Подобным образом он опишет путь святого и его спутника из Карфагена в Рим: «По пути они попали в глубокое ущелье, называемое Патеролимна. Место это было пустынное и дикое, и там, устав от дороги, они решили остановиться на ночлег. <...> Они поели хлеба и сырых трав, горчака (горького латука) и осота, а затем улеглись под грабом» [Ibidem, p. 296].

В плане социального пространства на протяжении всего текста жития, кроме Аравийской части, выделяются описания сцен городской жизни. Мы не видим, какими были эти улицы, но зато прекрасно представлена общественная жизнь на них. Григений встречается с многочисленными юродивыми, провидцами всякого рода. Описывается, как на них реагировали жители. Например, в Агригенте святой по пути в храм на улице увидел толпу, которая то замирала в напряженном молчании, то взрывалась хохотом. Причиной этого собрания стала женщина, жена одного из местных жителей, которая, свесившись со своего балкона на площадь, поносила прохожих, возвещала каждому из них о его сердечных тайнах и вместе с именами любовников или любовниц называла и место, и время совершения греха [Ibidem, p. 238-240].

Но наиболее интересной в плане описаний является часть текста, основанная на источнике по Риму. Очевидно, в нем было много достоверной информации, которую агиограф использовал в тексте жития. Св. Григений посещает Латеранскую базилику, храмы св. Петра, св. Павла, церковь св. Цицилии, Тибурция и Валериана, церковь св. Бонифация и Аглаи. При этом дается некоторая информация о том, где они располагались, как святой добирался до них. В общем, в топографическом смысле картина очень подробная, но собственно описаний, как все это выглядело, не так много. Вот, например, как автор пишет о прибытии в Рим: «Когда блаженный увидел городские здания, он изумился, поскольку нигде ранее не видел такого великолепия» [Ibidem, p. 300]. О виде Латеранской базилики тоже сказано не очень много: «Святой направился в церковь Спасителя в районе Константианэ, которая была первой построена в Риме. Находится же она рядом с патриархией, видом в высшей степени прекрасна, необычным образом украшена мрамором и мозаиками» [Ibidem, p. 316]. Очень интересно описание того, как святой посещает пещеру старца Артада на горе Соракте в окрестностях Рима. Сначала Григений встречается с отшельником Михаилом, который посылает его к старцу Артаду и дает очень подробную инструкцию, как идти. Потом не менее подробно автор рассказывает, как святой ее использовал на реальной местности. Указываются контрольные пункты, где надо было остановиться и посмотреть вокруг, зафиксировать то, что видишь, потом в заданном направлении пройти указанное расстояние [Ibidem, p. 332-324]. В итоге мы получаем, с одной стороны, замечательную картину этой самой горы и с другой – представление, как люди ориентировались на местности.

Что касается аравийской части, то тут описаний практически нет вообще. Все, что мы имеем, – это педантичное перечисление храмов и городов, где были основаны христианские церкви. Все пространство сублимировано в этот подробный список, занимающий полстраницы. Очевидно, что перечисление этого христианизированного пространства очень важно для автора, он все это тщательно переписал из имевшегося источника. Здесь вспоминаются мозаичные карты в Мадабе, описанные в статье Л. Брубэйкер, где она констатирует, что к VIII в. на этих картах любой город или населенный пункт на карте стали обозначаться исключительно в виде храма или монастыря [1].

Таким образом, описания физического и социального пространства распределены по тексту неоднородно и сосредоточены, в основном, в главах о Риме. Когда же мы обращаемся к сфере видений и снов, то их оказывается огромное количество, и почти все они – живописные, цветные, очень детализированные. Приведем только два примера.

Первый – это видение дьявола: «В ясном сиянии луны перед ним [святым] возник черный столб, покрытый слоем сажи, как сам дьявол. Видом же своим он походил на букву —йта», как мы ее пишем, а над ней два глаза, как точки» [4, р. 296]. Это очень необычный образ, который можно вполне воспринимать как пример индивидуальности, проглядывающей из-за топосов.

И второй пример – видение в горах недалеко от Рима: «С южной стороны во внутренней части горного хребта он [святой] увидел огненный столп, простиравшийся от земли до неба. <...> Когда он подошел ближе, то смог получше рассмотреть этот божественный луч божественного пламени. <...> Святой был потрясен, так как это не были ни языки пламени, ни луч солнца, ни радуга, которая часто поднимается над облаками и светится, будто некая пирамида. Это сияние обладало яркостью белого и красного, умноженной в десять тысяч раз, были там также и другие прекрасные оттенки, свойственные огню, и все они перетекали один в другой, вспыхивая, искрясь и сияя» [Ibidem, р. 334].

В отличие от жития св. Никона, в житии Григения область фантастического имеет огромное значение.

Авторы обоих текстов описывают продолжительность самого пути, тяготы, с ним связанные, какие-то климатические и природные условия. Однако и в этом смысле житие Никона тоже является более ярким, сам физический процесс движения в нем запечатлен отчетливой. Тем не менее, именно для жития Григения передвижение героя в пространстве есть основа всего сюжета. Все, что с ним происходит, все персонажи жития – это лишь составные части его пути. Маршрут его настолько важен, что он даже становится определенным кодом для распознавания истинной провидческой силы тех людей, с которыми он сталкивается на дороге. Несколько раз провидцы и юродивые, встречая Григения, первым делом перечисляют ему предыдущие пункты его странствий, и тогда он сразу понимает, с кем имеет дело. К тому же больше половины текста главный герой не знает, куда он идет и зачем. Агиограф лишь постепенно приоткрывает ему и нам тоже эту тайну, чем, несомненно, создается интрига.

Таким образом, проделанные наблюдения позволяют подтвердить тезис о том, что пространство в этих двух житиях действительно представлено по-разному. Отличие выявляется именно в принципах репрезентации. Авторы демонстрируют различную степень внимания к рассмотренным проекциям пространства. В житии св. Григения гораздо ярче выступает ментальное пространство как вмещилище всевозможных воображаемых существ и явлений, на которые направлена вся сила авторского таланта в части описаний, которым свойственна красочность и мельчайшая детализация. Св. Никон в ходе своих скитаний тоже встречает и демонов, и ангелов, и совершает чудеса, связанные с пространством (переправа через бурную горную реку, мгновенное преодоление значительных расстояний), но очевидно, что его агиограф больше сконцентрирован на реальности, ему интереснее «естественнонаучная» сторона бытия. Он, очевидно, гораздо более «рационален», чем автор жития св. Григения.

В одном из самых внушительных последних исследований по агиографии «Der Hagiographische Topos» [6] постулируется тезис о том, что любое житие – это набор из топосов, которыми авторы пользуются, как готовыми кирпичиками для строительства своего текста. В большей степени автор исследования Томас Пратш прав, и оба наших текста нельзя признать нешаблонными. В них соблюдены все риторические и сюжетные формальности жанра. Тем не менее, взгляды в эти повествования более внимательно, мы все-таки можем рассмотреть личность автора.

Список литературы

1. **Brubaker L.** The Conquest of Space // Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000 / ed. by R. Macrides. Aldershot: Ashgate, 2002. P. 235-257.
2. **Euthymiades S.** New Developments in Byzantine Hagiography: The Rediscovery of Byzantine Hagiography: Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies (London, 21-26 June 2006) / ed. by E. Jeffreys. Aldershot: Ashgate, 2006. T. 1. P. 157-171.
3. **Euthymiades S.** Νοελοί και πλανητικοί ηξιδιώηη ζηη Βεζζάνηη ηος 8^{ος}, 9^{ος} και 10^{ος} αιώνα (Настоящие и воображаемые путешественники в Византии VIII-X вв.) // Byzantina. 1999. № 20. Σ. 155-165.
4. **Life and Works of Saint Gregentios, Archbishop of Taphar** / ed. by A. Berger. New York – Berlin: De Gruyter, 2006.
5. **Malamut E.** Sur la route des Saints Byzantins. Paris, 1993.
6. **Pratsch T.** Der Hagiographische Topos. Berlin: De Gruyter, 2005.
7. **Soja E. W.** Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London – New-York: Verso, 1989.
8. **The Life of Saint Nikon** / ed. by D. F. Sullivan. Brookline - Mass: Hellenic College Press, 1987.
9. **Travel in the Byzantine World** // Papers from the Thirty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies (Birmingham, April, 2000) / ed. By R. Macrides. Newcastle-upon-Tyne, 2002.

REPRESENTATION OF SPACE IN BYZANTINE HAGIOGRAPHIES OF ST. NIKON THE METANOEITE AND ST. GRIGENTIUS

Mantova Yuliya Borisovna

Moscow State University for Humanities

july8@mail.ru

The article is devoted to the features of presenting the surrounding space in two Byzantine hagiographic texts: the life of St. Grigentius (the Xth century) and the life of St. Nikon the Metanoite (the XIth century). The research leads to the conclusion that the authors of the texts under consideration describe space in different ways. It contradicts our normal idea about both medieval literature and stereotyped perception of the world by medieval people.

Key words and phrases: Byzantine literature; hagiography; lives of saints; medieval literature; description of space; travel genre.